

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

**ГЕНИЙ
СТОЛИЧНОГО
СЫСКА**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91   Гений столичного сыска / Евгений Сухов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Записки придворного сыщика (обложка)).

ISBN 978-5-04-235359-8

Поздней осенью 1903 года в одну из полицейских частей Москвы обратился мещанин Колобов и потребовал арестовать его за убийство старой генеральши и ее горничной, совершенное им в Рязани. Он был так убедителен, что полицейские немедленно выполнили его просьбу. Наутро Колобова нашли в камере мертвым...

Проверить причастность покойного к двойному убийству поручено судебному следователю по особо важным делам Ивану Федоровичу Воловцову. Он выезжает в Рязань и возобновляет следствие. Но ни один из свидетелей не признает по фотографии Колобова. В деле уже есть обвиняемый, и скоро над ним состоится суд. Однако Воловцова настораживает такая спешка. Он понимает, что обвинение выдвинуто на скорую руку, многие факты противоречат друг другу, мотив до конца неясен... Иван Федорович решает заново изучить детали преступления и вскоре, неожиданно для всех, делает ошеломляющее заключение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235359-8

© Сухов Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

• 1 •

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ТРЕТЬЕГО ДНЯ

Бывшее здание Сената в Кремле, где ныне размещаются Судебная палата и Московский окружной суд, видно издалека. Особенно если смотреть с Красной площади близ Сенатской башни. А все благодаря мощному куполу трехэтажного здания, венчающемуся столпом с царской короной и надписью «ЗАКОНЪ».

Кто-то, зная или догадываясь, что под куполом здания находятся судебные учреждения, пройдет себе мимо, что вполне объяснимо: лучше вовсе ничего не знать про все эти присутственные места, посещение которых отнюдь не добавляет радости. Другие, увидев столп с символом царской власти и означенной надписью, уверятся, что закон превыше всего. Даже власти царя... Запомнявав о том, что даже в све-

те новых веяний наступившего века царская власть и есть незыблемый закон...

Судебный следователь по важнейшим делам Иван Федорович Воловцов, направляясь в приемную своего непосредственного начальника председателя Департамента уголовных дел Судебной палаты статского советника Геннадия Никифоровича Радченко, не думал ни о законе, ни о царской власти. Он вообще не думал ни о чем таком серьезном. Мысль его была предельно проста: как бы не повстречаться с судебным следователем Караваевым, человеком, по его мнению, весьма неприятным. А все потому, что из-за лени и тугоумия Караваева несколько непростых дел, находящихся в его производстве, были переданы Воловцову. Не случись этой передачи, следствие так и осталось бы незавершенным. Непонятно, куда смотрит руководство. Давно бы надлежало гнать этого Караваева из Департамента уголовных дел Судебной палаты взащей! Возможно, прокурор Московской судебной палаты его превосходитьство Владимир Александрович Завадский так бы и поступил, поскольку на дух не переносил лентяев, если бы тот не имел знатного покровителя — Владимира Даниловича Караваева, сенатора и тайного советника.

А еще Ивану Федоровичу подумалось, что наверняка после трехнедельной вакации¹, с таким трудом им выпрошенной, ему наверняка подсунут какое-нибудь гиблое дело. Уж в этом-то будьте уверены!

В приемной председателя Департамента уголовных дел Судебной палаты никого не было. Кроме секретаря, конечно, молодого франта с тоненькими усиками под длинным носом, важно сидевшего за своим столом. Он поздоровался с Иваном Федоровичем и, приняв сосредоточенное выражение, занялся бумагами на столе. А может, просто делал вид... Все эти секретари при больших господах — с хитрецей и преисполненные какого-то тайного величия.

До десяти часов дня оставалось несколько минут. И вот когда малая стрелка напольных часов указала на десять часов, а большая уверенно расположилась на цифре двенадцать, комнату наполнили глухие торжественные удары, двери приемной отворились, и вошел румяный Радченко Геннадий Никифорович, непосредственный начальник коллежского советника Воловцова.

---

¹ Вакация — *здесь*: время, свободное от службы; отпуск.

Радченко был на несколько лет старше Ивана Федоровича и имел чин статского советника, что, впрочем, не мешало им быть накоротке и обращаться друг к другу на «ты». Надо признать, что с начальником Воловцову повезло: Геннадий Никифорович был человеком благоразумным, грамотным, знающим свое дело обстоятельно и до мельчайших тонкостей.

— Прибыл, значит? — спросил он по-дружески, взглянув на Воловцова.

— Так точно! — по-военному ответил Иван Федорович.

— Ну, тогда заходи. — Радченко прошел в кабинет, оставив двери открытыми.

Воловцов вошел следом и сел на стул, ожидая, пока статский советник разденется и уберет верхнюю одежду в громоздкий шкаф, стоящий у входа.

— Как отдохнул? — Радченко метнул на Воловцова взгляд и чуть заметно усмехнулся: — Как здоровье тетушки?

— Да все слава богу, она ведь... — начал было отвечать на вопросы начальника Иван Федорович, но Радченко его перебил:

— Наслышаны мы о твоём рязанском деле. Значит, ты для этого отпуск себе вымаливал, чтобы в соседней губернии убивцев и поджи-

гателей на чистую воду вывести? А говорил, устал, передых требуется... Ох, хитер! — Он слегка погрозил подчиненному пальцем. — Тебе здесь работы не хватает, так ты там решил себя проявить? Вот что значит Воловцов — не человек, а кремень! Не может без работы сидеть. А вообще, молодец, хвалю!

— Так получилось, — тоном виноватого ученика произнес Воловцов. — А разве Рязань не входит в состав округа нашей Судебной палаты? — поднял Иван Федорович свой взор на статского советника.

— Входит, входит, — насмешливо произнес Радченко и, уже не скрываясь, усмехнулся: — Так для тебя же все равно границ не существует. Ты покуда его превосходительству Владимиру Александровичу доложишь, что на службу вышел вовремя и в полной готовности. Может, наш генерал¹ тебе чего ладного посулит или чего дельного скажет, — продолжал хитро улыбаться Геннадий Никифорович. — А то мы боимся, что ты всех убийцев по округе отловишь и другим ни-

---

¹ Генерал — чин действительного статского советника, согласно «Табели о рангах» соответствовал воинскому званию генерал-майора.

чего не оставишь. Наверняка подберет для тебе дельце, достойное твоего масштаба!

— Геннадий Никифорович, но ведь я же...

— Ладно-ладно, не благодари, иди уж!

— Нет, я не о том. Я хотел сказать...

— Хочешь, чтобы я подобрал? Какой ты все-таки, Иван Федорович, злой на работу! Хорошо, так и быть, подберу для тебя новое дельце. Как раз такое, какое, кроме тебя, вряд ли кто сумеет раскрыть. Думаю, ты останешься доволен.

Судебный следователь по важнейшим делам Воловцов вышел из кабинета Радченко слегка озадаченный. По тому, как это было сказано — «новое дельце», — Иван Федорович понял, что его опасения насчет «гиблого дела», похоже, небезосновательны...

Окружной прокурор Московской судебной палаты действительный статский советник Владимир Александрович Завадский, кавалер семи орденов, включая орден Святой Анны второй степени, встретил Воловцова с распростертыми объятиями. Сказано, конечно, образно. Ежели выразиться более приземленно, то, увидев Ивана Федоровича входящим в кабинет, Завадский поднялся, вышел из-за стола и даже сделал несколько шагов навстречу Воловцову,

что должно было означать особое к нему расположение, протянул сухощавую ладошку:

— Вот он наш герой... Какой молодчина! Рад, рад, Иван Федорович!

Владимир Александрович предложил Волловцу присесть и вернулся за свой огромный стол, занимавший едва ли не четверть кабинета. Действительный статский советник Завадский часто был придирчив, скрупулезен и считал себя обязанным быть в курсе всего происходящего в обоих гражданских и уголовном департаментах палаты. Вследствие этого он периодически докучал своим подчиненным всяческими проверками, часто заставляя их писать различного рода отчеты, доклады и рапорты по поводу и без. Характер окружной прокурор имел нервический и по-стариковски тревожный, и зачастую не без вредности. Его норы усугублялся еще и тем, что, разменяв год назад седьмой десяток, Владимир Александрович рассчитывал в скором времени получить почетное и достойное его беспорочной службы и заслуг звание сенатора. А поэтому весьма опасался допустить хоть какую-нибудь промашку или, не приведи господь, серьезную ошибку и тем самым перечеркнуть все надежды на сенаторское звание.

В добром расположении духа, какое виделось сейчас коллежскому советнику Воловцову, его превосходительство бывал нечасто, потому Иван Федорович немного успокоился, уж чего-чего, а распеканции¹ от Завадского сейчас не будет.

— Рад сообщить вам, Иван Федорович, что нами получены благодарственные письма от господ рязанского губернатора и прокурора тамошнего Окружного суда о вашей помощи в расследовании известного вам дела, — бодро произнес окружной прокурор Московской судебной палаты Завадский. — Весьма нашумевшего! — И несколько тише продолжил: — Великий князь Сергей Александрович² о нем выспрашивал... Эти господа, помимо прочего, положительно ходатайствуют о награждении вас орденом, о чем мною уже написано представление. Так что в самом недалгом времени я надеюсь вручить вам орден Святой Анны третьей степени, вполне заслуженный. Признаюсь, я очень доволен, что в нашей Судебной

---

¹ Распеканция — от глагола «распекать», то есть учинять выговор, порицание, нагоняй.

² Великий князь Сергей Александрович Романов — градоначальник Москвы (26.02.1891–01.01.1905).

палате служат лица, считающие себя на службе государю и Отечеству и в вакационное время. Это весьма и весьма похвально...

— Благодарю вас, — привстал со своего стула Иван Федорович, но Завадский жестом усадил его обратно.

— И еще, — несколько строже продолжил его превосходительство, — принято решение и уже получено письменное согласие от генерал-прокурора и министра юстиции действительного тайного советника Николая Валериановича Муравьева о весьма значительном расширении ваших полномочий. Вы теперь по должности являетесь судебным следователем по *особо важным делам*, то есть наделяетесь полномочиями расследовать уголовные и иные дела не только на территории округа Московского окружного суда и Судебной палаты, но и на территории всей Российской империи. Хотя, полагаю, вам к этому не привыкать, — улыбнулся Завадский. — Это очень почетно, но и весьма ответственно. И заметьте: должность сия вам вменяется безо всякой предварительной аттестации, — после этих слов действительный статский советник Завадский со значением посмотрел на Воловцова, — поскольку будем считать, что вы прошли ее, раскрыв такое непростое дело в Рязани. А теперь, — Владимир

Александрович отвел взгляд от собеседника, — не смею вас больше задерживать...

У Радченко был посетитель, поэтому Воловцову пришлось с четверть часа подождать в приемной, пролистывая газеты, лежащие на небольшом столике. Когда статский советник освободился, Иван Федорович вошел в кабинет начальника с некоторой опаской, поскольку вспомнил его слова про «новое дельце».

— Ну что, как тебе наш окружной прокурор? — поинтересовался Радченко, складывая бумаги в аккуратную стопочку на столе.

— Я застал его в благостном расположении духа, — отозвался Иван Федорович.

— Значит, быть ему вскорости сенатором, — резюмировал статский советник. — А тут еще сам градоначальник его поддерживает. О новом деле для тебя он ничего не сказывал?

— Нет, — ответил Воловцов, насторожившись.

— Ясно. Решил все перевалить на мои плечи... Ну, мне это не впервой, а потом, в сенаторы я пока не стремлюсь, — после недолгого молчания и глубокого вздоха посмотрел на Ивана Федоровича Радченко. — Ты слышал что-нибудь об убийстве в Рязани генеральши Безобразовой и ее горничной двадцать восьмого августа сего года? Тетушка тебе об этом ничего не рассказывала?

— Да что-то такое слышал, однако сейчас не припомню точно, — нахмурил лоб Воловцов.

— А вот и напрасно, — заметил ему на это Геннадий Никифорович. — Дело обещает быть весьма громким...

— Так, а я здесь при чем? — пытливо посмотрел прямо в глаза статскому советнику Иван Федорович.

— Хм... А вот сейчас ты узнаешь, — не отвел взгляда от Воловцова председатель Департамента уголовных дел Судебной палаты. — Третьего дня случилось одно происшествие, на первый взгляд странное и вызывающее множество вопросов. О нем нам сообщили вчера, когда уже ничего нельзя было предпринять и исправить.

— Вы говорите загадками, — почему-то перешел на «вы» Иван Федорович.

— Все верно. Само это происшествие и есть не что иное, как полная загадка, — задумчиво произнес Геннадий Никифорович, — которую именно тебе и придется разрешить...

— Или не придется, — добавил за своего начальника следователь теперь уже по особо важным делам.

— Или не придется, — согласился с Иваном Федоровичем Радченко. И добавил: — Но ты ведь постарайся?

— Постараюсь, куда же я денусь? — усмехнулся Воловцов. — Будем считать, что интригу ты подпустил. А теперь рассказывай поподробнее.

— Хорошо, — кивнул статский советник. — Слушай... Третьего дня, поздно вечером, в управление Сретенской полицейской части постучался молодой человек болезненного вида. Когда ему открыли, он представился мещанином Иваном Александровичем Колобовым и заявил дежурному полицейскому чину, что, дескать, его надлежит немедленно арестовать, поскольку он проживал в августе месяце в Рязани и знает, кто совершил убийство генеральши Безобразовой и ее горничной. Более того, по его словам, возможно, и он сам принимал в этом душегубстве участие. Свой допрос Колобов попросил отложить до утра, сказал, что ему нужно все тщательно обдумать, после чего его закрыли в камере. А утром, когда камеру открыли, Колобов оказался мертвый... Твоя задача состоит в том, — статский советник взглянул в глаза Воловцову, — чтобы прояснить личность этого Колобова, а также проверить правдивость его слов.

— Так мне что, опять в Рязань придется ехать? — удивился Иван Федорович.

— По всей вероятности, да. Что поделаешь, у тебя работа такая. А потом, ты ведь не лю-

бишь сидеть на одном месте, тебе оперативный простор подавай! — ответил Радченко. — Ну и с делом генеральши Безобразовой придется познакомиться, поскольку без этого, похоже, не обойтись, — добавил он.

— Понятно, — протянул Воловцов и опять перешел с Радченко на «вы»: — Разрешите приступить к выполнению задания?

— Приступайте, — вполне серьезно ответил Геннадий Никифорович и углубился в деловые бумаги.

● 2 ●

САМООГОВОРЫ БЫВАЮТ РАЗНЫМИ

В России ноябрь месяц только по календарю осенний. Так сказать, де-юре. А на практике, то есть де-факто, ноябрь — это уже решительно зима. Со льдом, со снегом, который случается выше щиколотки, с ночными морозами и инеем на деревьях, делающим их неживыми, словно искусственная театральная декорация для детской сказки. И это только начало пьесы под названием «Зима». А сама пьеса всегда со многими действиями будет играть и в декабре, и в январе, в феврале — кульминация

представления, а в марте и начале апреля будут завершающие сцены. Случается, что и в мае месяце, после весеннего тепла, выпадает тяжелый мокрый снег и лежит по несколько дней кряду. Это заставляет многих городских обывателей, чертыхаясь и кляня непогоду, лезть в чуланы и кладовки и доставать обратно недавно вычищенные и сложенные в сундуки шерстяные и меховые вещи, переложенные стружкой хозяйственного мыла и посыпанные нафталином. А те из горожан, кто не желает или ленится доставать уложенные на хранение зимние вещи и продолжает ходить в весеннем одеянии, цепляют в скором времени болезнь, именуемую инфлюэнца. И ладно бы они сами болели, единолично. Так нет же! Своим чиханием и кашлем они заражают других. И вот вам уже эпидемия и множество больных самых разных сословий, в том числе и граждан, состоящих на государевой службе, отсутствие коих на своем месте в нужный момент может сказаться на состоянии дел в городе, уезде, губернии, а то и во всей Российской империи. А это уже дело государственной важности!

Иван Федорович Воловцов болел нечасто, поскольку всегда одевался по погоде. Вот и на этот раз он был одет по-зимнему: в теплых шти-

блетах-балморалах с галошами, габардиновой бекеше с каракулевым воротником и зимней касторовой шляпе.

Из Кремля Иван Федорович пешочком прошел через Александровский сад, на улице Манежной взял извозчика и через Моховую, а потом через Неглинный проезд выехал на Цветной бульвар. С него повернул в Первый Знаменский переулок, доехал до его конца и повернул направо, в Третий Знаменский.

— Дальше-то куды, ваш бродь? — оглянувшись, спросил извозчик в овчинном тулупе.

— Дуй до пожарной каланчи, — приказал Воловцов.

Сретенская полицейская часть располагалась вместе с пожарным депо на Сретенской горке в Третьем Знаменском переулке недалеко от Цветного бульвара. Это был длинный и весьма старый двухэтажный дом, построенный еще в середине восемнадцатого века: первый этаж дома уже начал потихоньку вращаться в землю, что случается с домами, имеющими вековую и более историю.

Иван Федорович вошел в здание и, представившись дежурному полицейскому чину, прошел внутрь. Участковый пристав Земцов, которого Воловцов немного знал, находился на месте.

— Я по поводу Колобова, — поздоровавшись, заявил Земцову Воловцов. — Когда он пришел в часть, кто был дежурным офицером?

— Старший унтер-офицер Подвойский, — последовал быстрый ответ.

— Я могу с ним переговорить? — спросил Иван Федорович в надежде, что унтер окажется на месте.

— Отчего же нет? Конечно, — с готовностью ответил пристав Земцов, оправдав надежды Воловцова, и вышел из кабинета.

Через минуту он вернулся с высоким добродушным здоровяком в полицейских шароварах, круглой мерлушковой шапке и черной шинели с контрпогонами, на которых витые оранжевые плечевые шнуры имели по три посеребренные гомбочки.

— Городовой старшего оклада старший унтер-офицер Подвойский, — бодро отрапортовал полициант, за плечами которого в жизненном багаже явно находилась суровая воинская служба.

— Судебный следователь по особо важным делам коллежский советник Воловцов, — в свою очередь, представился гость. — У меня к вам будет несколько вопросов.

Старший унтер-офицер кивнул и вопросительно уставился на судебного следователя.

— Это ведь вы дежурили вечером третьего дня? — задал первый вопрос Воловцов.

— Так точно! — гаркнул старший унтер-офицер Подвойский и вытянулся во фрунт, как и положено по уставу, развернув плечи, подав корпус немного вперед и подобрав подбородок.

— Вольно, — был вынужден сказать Иван Федорович и добавил: — Мы же с вами не на плацу, а просто беседуем.

— Слушаюсь, — уже спокойнее произнес старший унтер-офицер и ослабил стойку.

— Расскажите мне подробно, как все происходило, — дружелюбно попросил Воловцов.

— Через два с половиной часа по заступлении мною на дежурство я услышал стук в дверь, — ровным голосом начал повествование Подвойский. — Я открыл и увидел на пороге молодого человека лет двадцати пяти. Он был трезвый как стеклышко, однако изрядно замерзший и вид имел очень нездоровый.

— Как вы все это определили? — воспользовавшись паузой, спросил Воловцов.

— У него блеск в глазах был такой... не совсем хороший, что ли, — немного подумав, от-

ветил Подвойский. — Еще его бил озноб, — добавил унтер. — И он все время шмыгал носом.

— Понятно, — констатировал Иван Федорович и кивнул старшему унтер-офицеру, что означало приглашение продолжать.

— Когда я ему открыл дверь, он сразу заявил, что его следует немедленно заарестовать, — охотно заговорил унтер-офицер Подвойский. — Я для начала, как и положено, попросил его представиться. Он назвался московским мещанином Иваном Александровичем Колобовым. Он вошел, я попросил его покуда присесть, полагая, что у него зашел ум за разум и, немного оклемавшись, он поймет, что несет чушь, повинится и уйдет. Знаете, — глянул на Воловцова старший унтер-офицер, — таких граждан к нам иногда заносит, которые вдруг признаются в законопротивных проступках, которых на самом-то деле они никогда не совершали. В основном это нездоровые на голову люди, отпущенные из психических клиник, поскольку опасности никакой они не представляют. Случается, таких людей и не отличишь от здоровых. Вот как этого Колобова, к примеру.

— Да, такое бывает, — согласился с Подвойским Иван Федорович. В его следственной практике было несколько случаев самоговора, но более всего запомнился один...